

Къ вопросу о смерти царевича Дмитрія.

Въ февральской книжкѣ „Русской Старины“ сего года г. Свѣтозаровымъ была помѣщена статья: „Развитіе легенды о смерти царевича Дмитрія“ (стр. 384—404). Въ ней авторъ, разбирая 4 древнѣйшихъ источника, утверждавшихъ въ свое время положительно убіеніе младенца, старается доказать обратное, т. е. что царевичъ закололся самъ, и говоритъ, что это есть послѣдній „новый взглядъ, новое представленіе объ Угличской трагедіи“, что „новое научное мнѣніе подобно пилѣ, начинающей подпиливать долготѣнній прочный стволъ старой теоріи“... И въ доказательство своей посылки, г. Свѣтозаровъ говоритъ, что фактъ самоубійства царевича Дмитрія защищается также *Погодинымъ*, „начинаетъ завоевывать себѣ видное мѣсто въ наукѣ“.

Работникамъ, изучающимъ русскую исторію, изъ предъидущей уже постановки вопроса видно, конечно, какой „новый сильный аргументъ“ даетъ своею статьею г. Свѣтозаровъ. Я же позволяю возразить на брошенное имъ печатно мнѣ замѣчаніе также путемъ печати. Г. Свѣтозаровъ указываетъ, что *подлинность* слѣдственнаго дѣла и надлежащіе отсюда выводы слѣланы въ 1873 г. Е. Бѣловымъ и говоритъ, что теорія самозакланія царевича „не только не пошатнулась, но, мнѣ кажется, еще болѣе окрѣпла послѣ недавняго появленія въ печати работы И. С. Бѣляева, который не совсѣмъ удачно, не совсѣмъ основательно пытается доказать *подлогъ* слѣдственнаго дѣла“.

Такимъ образомъ, изъ сопоставленія двухъ положеній: Е. Бѣлова и моего несомнѣненъ выводъ, что первый считаетъ слѣдственное дѣло подлиннымъ, а я—подложнымъ. Между тѣмъ, вездѣ въ своемъ изслѣдованіи ¹⁾ я говорю, что слѣдственное дѣло, „дошедшее

¹⁾ „Чтенія Имп. Общества исторіи и древностей Росс. при Московск. университетѣ“, кн. 1-я за 1907 годъ, стр. 1—29, и отдѣльные оттиски (нынѣ уже распроданные).

до насъ, *подлинное*“ (стр. 16), что „разсматриваемый нами документъ есть, безъ сомнѣнія, *бѣловой* экземпляръ производства въ Угличѣ“, что „таковымъ *бѣловымъ* угличское слѣдственное дѣло и должно быть въ виду предстоящаго его представленія царю“ (тамъ же). Но въ то же время я доказывалъ, что это *подлинное* слѣдственное дѣло, бывшее нѣкогда въ столбцѣ, въ своихъ составныхъ частяхъ перебито, спутано и даже подтасовано, повидимому, въ зависимости отъ перемѣны положенія крупныхъ лицъ, которыя въ немъ указываются. Къ моему изслѣдованію приложенъ снимокъ съ допроса понамаря Огурца, который наглядно иллюстрируетъ одно мѣсто такой редакціи кѣмъ-то подлинника, гдѣ *начало* допроса записано *одной* шириною колонны текста, а *продолженіе* *другой*, болѣе широкой, дѣлая отъ предъидущей выступъ на $\frac{1}{4}$ вершка. Покойный В. О. Ключевскій интересовался моею работою и въ своемъ „Курсѣ русской исторіи“ (ч. III, стр. 24) вполне подтверждаетъ мое изслѣдованіе, что „слѣдственная комиссія, посланная въ Угличъ во главѣ съ кн. В. И. Шуйскимъ, тайнымъ врагомъ Годунова, вела дѣло недобросовѣстно, спрашивала о мелочахъ, позабыла важнѣйшія обстоятельства, не выяснила противорѣчій въ показаніяхъ, вообще страшно *занутила* дѣло ¹⁾).

Неужели можно серьезно допускать, что 7—8-ми лѣтній ребенокъ, играя въ *тычку* ножомъ (конечно, притомъ тупымъ, чтобы его удобнѣе держать въ рукахъ), упалъ въ припадкѣ черной болѣзни на землю и тутъ покололъ себя въ горло... „и было его *долго*“—говорять нѣкоторые въ допросахъ. Мнѣ кажется, если бы это было такъ, то царевичъ, самое большее, могъ бы только порѣзаться; при томъ при царевичѣ, *если вѣрить словамъ тѣхъ же допросовъ*, находились игравшіе съ нимъ жильцы, кормилица Арина, Марья Колобова и Василиса Волохова: неужели никто изъ нихъ не помогъ бившемуся „долго“ царевичу, если бы такъ оно было въ дѣйствительности?

Кромѣ другихъ еще моихъ соображеній, указанныхъ въ моей работѣ, служащихъ къ подтвержденію взгляда, что причиною смерти

¹⁾ В. О. Ключевскій только возразилъ мнѣ, что самъ слышалъ отъ С. М. Соловьева, что тотъ пользовался *подлиннымъ* слѣдственнымъ дѣломъ. Позднѣе же, въ Архивѣ М. Ю. въ присутствіи нынѣ здравствующихъ С. П. Соловьева и Г. Г. Лукьянова, которые могутъ подтвердить мои слова, Василій Осиповичъ сознался, что онъ въ своемъ мнѣ возраженіи ошибся, что С. М. Соловьевъ такъ же, какъ и Н. М. Карамзинъ, не занимался *рукописью* подлиннаго угличскаго слѣдственнаго дѣла, хранящагося въ Моск. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, а лишь печатнымъ его издавіемъ, помѣщеннымъ въ „Собраніи госуд. грамотъ и договоровъ“. Такъ какъ о первомъ возраженіи В. О. было напечатано въ моей работѣ, то теперь считаю нужнымъ отмѣтить въ печати и его второе замѣчаніе.

ребенка было не самозакланіе, а убійство, въ ней напечатано, въ видѣ приложенія, подлинное *духовное завѣщаніе* одного изъ ближайшихъ родственниковъ царевича и свидѣтеля событія въ Угличѣ 15 мая 1591 года—*Андрея Александровича Нагого*. Духовная имъ написана незадолго до его смерти, 19 декабря 1617 года, когда онъ, какъ сказано въ документѣ, „изнемогъ“. Во время допросовъ, послѣ убіенія Дмитрія въ Угличѣ, этотъ Нагой показалъ, что „царевичъ былъ зарѣзанъ, а того онъ не видалъ, кто зарѣзалъ“; этотъ Нагой, спустя четверть вѣка послѣ ужаснаго угличскаго событія, готовясь предстать передъ Нелиценпріятнымъ Судіею, въ своей духовной говоритъ, что его „животы (т. е. все его жизненное имущество) взяли въ опалѣ на государя, какъ царевича Дмитрія *убили*“. Показывавшій то же нѣкогда при слѣдствіи, А. А. Нагой остается вѣренъ и теперь въ своей духовной, которая передавалась на храненіе въ монастырь и дѣлалась, такимъ образомъ, историческимъ свидѣтельствомъ во вѣки, повторяетъ, такимъ образомъ, то же, что нѣкогда было имъ сказано въ Угличѣ при допросѣ. Въ 1617 году ничто уже не мѣшало Нагому сказать, что Дмитрій 15 мая 1591 г. накололся самъ, если бы оно тогда такъ было: отъ этого не пострадали бы ни святость невиннаго младенца, ни прочность новоизбраннаго царя на престолѣ. Разъ его слова при допросѣ были имъ сдѣланы ложно, то, помышляя о будущей жизни, онъ могъ бы ихъ исправить въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Однако, онъ и въ этомъ документѣ подтверждаетъ свое первое показаніе, что царевичъ убитъ.

Изъ сопоставленія всѣхъ данныхъ несомнѣнно устанавливается, что смерть ребенка въ Угличѣ 15 мая 1591 г. была насильственная, а не самозакланіе, почему и дальнѣйшія работы должны быть направлены къ изученію кардинальнаго вопроса во всемъ Смутномъ времени: *чей* младенецъ былъ тогда зарѣзанъ въ Угличѣ и *кто* царствовалъ въ Россіи подъ именемъ Лжедмитрія перваго.

Возвращаясь же къ статьѣ г. Свѣтозарова, я никакъ не могу согласиться съ нимъ, что всѣ четыре разобранныя имъ сказанія о смерти царевича Дмитрія, „распространяя даже и на нихъ установленный принципъ эволюціи“, можно довести до самой обычной формы народной молвы. Наоборотъ, всѣ они, возвращаясь къ одной и той же формѣ, свидѣтельствуютъ, что въ этой первоначальной формѣ *былъ* несомнѣнный фактъ. Выражаясь же его же словами, закончу, что имъ „не совсѣмъ удачно, не совсѣмъ основательно“ сдѣлана попытка обращенія въ легенду четырехъ живыхъ источниковъ.

И. С. Бѣляевъ.

